

обязаны синтаксической функции. Например: глагол приобрел свои морфологические показатели от его выступления в роли сказуемого. Поэтому ряд грамматических категорий сказуемого характеризует и соответствующую часть речи, попадая в число и ее грамматических категорий (т. е. признаков). Но все же полного тождества между ними (сказуемым и глаголом) нет (стр. 193).

«Грамматические категории члена предложения можно было бы для точности называть синтаксическими грамматическими категориями, потому что все они зависят от смыслового значения и формального выражения члена предложения...» Грамматические же категории, характеризующие части речи, имеют лексическую значимость, т. е. морфологические признаки, которые в значительной своей части обусловлены той же синтаксической функцией (стр. 194).

Это четкое и точное определение различия частей речи и членов предложения, несмотря на всю общность их происхождения, кладет конец тем колебаниям и той путанице, которую вносят обычно в грамматики сторонники единства системы и числа частей речи в школьном преподавании на всех языках. Итак, часть речи — это морфологически объективированная определенная синтаксическая функция.

После того, как изложено основное соотношение между признаками частей речи и признаками членов предложения, акад. Мещанинов переходит к вопросу, который за последнее время стал так интересовать всех языковедов: к вопросу о понятийных категориях и грамматических понятиях. Субъект и предикат («логические») — понятийные категории: «Они же, выявляясь в синтаксическом строе предложения, становятся грамматическими понятиями подлежащего и сказуемого» (стр. 196). Здесь И. И. Мещанинов суммирует все, относящееся к понятийным категориям.

«Итог всему сказанному дает нижеследующую схему: 1) понятийная категория выявляется в семантике слов, в синтаксических построениях и в оформлении слова, 2) синтаксически и морфологически выявляемая понятийная категория становится грамматическим понятием, 3) грамматические понятия, выявляясь в синтаксическом строе и морфологии, должны получать в них свои грамматические формы, 4) грамматические формы, образующие в языке определенную систему, выделяют те грамматические категории, по которым проводится деление на члены предложения и части речи. Каждые из них имеют соответствующие свои грамматические категории, выступающие в соответствующих грамматических формах. Следовательно, грамматическая форма для того, чтобы выделить грамматическую категорию, должна образовать определенную систему» (стр. 197). Мы можем наблюдать этот процесс и сейчас. Культурные работники, представители восточных национальностей СССР, несомненно испытывают необходимость в осознании грамматических категорий существительного и прилагательного, наблюдая их в русском языке. Возникнув сначала в их мышлении, эти категории становятся грамматическими понятиями. В дальнейшем делаются попытки намеренно морфологизовать прилагательное в отличие от существительного. Например, вводят тюрко-татарский суффикс «лыкъ» для оформления прилагательного, хотя он является, собственно, суффиксом обобщенных имен. Но возможен и обратный процесс. Формы, сложившиеся в языке, в свою очередь вторично влияют на сознание. Под их влиянием могут появиться своеобразные грамматические понятия. Эти последние, воздействуя на сознание, приводят к образованию понятийных категорий. Теория И. И. Мещанинова позволяет проследить не только влияние мышления на язык, но и обратное воздействие грамматических форм на сознание.

Третья часть книги посвящена вопросу о частях речи, каждая из которых рассматривается в отдельности. К сожалению, за недостатком места я лишен здесь возможности подробно остановиться на ее содержании.

Книга И. И. Мещанинова представляет собой оригинальное исследование, включает богатейший и разнообразный языковедный материал и приводит автора к интереснейшим глубоким выводам. Не все сразу будет понятно в этой книге для читателя. Но я уверен, что она принадлежит к тем произведениям, которые, чем дальше их читаешь и перечитываешь, тем больше будят в нас творческих мыслей и тем глубже чувствуешь единство процесса развития языка, как отражения хода развития человеческого общества и мышления. Работа акад. Мещанинова является весьма интересной книгой как для специалиста-языковеда, так и для образованного педагога, преподающего языки, а также для студента последнего курса языковедных вузов.

Русско-киргизский словарь. Составили Х. Карасев, Ж. Шукуров, проф. К. Юдахин. Под редакцией проф. К. Юдахина (Академия Наук СССР. Киргизский филиал, Институт языка, литературы и истории. ОГИЗ, ГИС, Москва, 1944, 1—984 стр. Цена 26 руб.).

К концу 1944 г. вышел из печати давно ожидавшийся тюркологами Русско-киргизский словарь под редакцией проф. К. К. Юдахина. Ниже я не собираюсь делать детальный разбор этого словаря. Мне хочется здесь только отметить это крупное событие в области тюркологии и тем рекламировать этот хороший словарь.

Редактором и одним из авторов Словаря, проф. К. К. Юдахиним, затрачено на этот труд много времени, в результате чего Словарь вышел во всех отношениях

образцовым. Подготовкой к этому труду должен считаться, ближайшим образом, «Киргизско-русский словарь» (25 тысяч слов) проф. К. К. Юдахина, вышедший из печати в 1940 г. (Москва). До этого проф. К. К. Юдахиным был издан (краткий) «Узбекско-русский словарь» (Ташкент, 1927), не утративший и теперь своего значения для чтения узбекской литературы, напечатанной арабским алфавитом.

В лице проф. К. К. Юдахина, заслуженного деятеля науки Киргизской ССР, Киргизия имеет редкого тюрколога, русского по происхождению, но в совершенстве—не хуже любого киргиза—знающего с малолетства практически, а затем, после окончания университетского образования (в Ташкенте) и аспирантуры (в Ленинграде), и теоретически киргизский язык. В свое время Киргизско-русский словарь обратил на себя внимание своим высоким научным уровнем, что и отмечено в научной литературе и в газетах (см. Известия Отделения литературы и языка АН СССР, т. III, вып. 2—3, 1944; «Известия Советов депутатов трудящихся» 8 октября 1940 г.: Ю. Х а к и м о в. Книга о советской культуре; газеты на киргизском и русском языках в г. Фрунзе, например «Советская Киргизия» от 25 октября 1940 г.: И. Б а т м а н о в. Сокровищница киргизского языка).

Для составления двуязычного словаря нужно, бесспорно, отчетливое знание двух языков, соответствующих пособий и примеров. Так, например, в небольшом Русско-казахском словаре для начальных школ (1942, около 6000 слов)—работе, несомненно полезной и хорошей, встречаются досадные промахи в отношении русского языка. Например, русское слово «вместо» переведено по-казахски через «бирге» (стр. 12), что значит «вместе» (опечатка?). «Внутри» переведено через «иши» (стр. 12), ср. в Русско-киргизском словаре под ред. К. К. Юдахина (стр. 91) правильно и точно через «ичке», «ичинс». В казахском словаре (стр. 58) «развесистый» понято и переведено «развесной», «развешенный» (на фунги, кг, и т. п.), в Словаре К. К. Юдахина правильно: «бутақтау» (стр. 711). «Распороть» понято и переведено в Русско-казахском словаре «наказатъ», «дать пощечину» («шাপалақтау», стр. 60). Но по-русски можно сказать «пороть (кого-либо)», «выпороть (кого-либо)», но «распороть», т. е. «наказатъ»—это совсем необычно (ср. в Русско-киргизском словаре, стр. 628 и 730). Нечего и говорить, что в этом казахском словаре (1942) имеются дефекты и другого порядка. Но подобных ошибок в Словаре под ред. проф. К. К. Юдахина совершенно нет. Как он, так и его соавторы (Х. К. Карасаев и Ж. Шукуров), хорошо знают оба языка: и киргизский и русский.

Автор и редактор Киргизского словаря проф. К. К. Юдахин за много еще лет до составления этого Словаря интересовался положением русского языка в наших тюркоязычных республиках,—а он знаком очень хорошо с жизнью трех республик: Киргизии, Казахстана и Узбекистана. Проф. К. К. Юдахин создал при Всесоюзном Центральном комитете нового алфавита (при ЦИК) в свое время бригаду специалистов по русскому языку и с ними начал составлять «Словник» для издания в дальнейшем разных русско-тюркских словарей. Дело за закрытием Комитета не прекратилось, оно только уменьшилось в своем размахе и осуществилось в данном «Русско-киргизском словаре». Редактор К. К. Юдахин (стр. 3—4) упоминает об этой бригаде из следующих лиц: А. А. Реформатский, С. И. Дмитриев, Н. А. Липеровская, Т. В. Вентцель и Б. В. Горюнг. Каждое слово здесь, в Словнике, обсуждено К. К. Юдахиним: нужно ли оно в Киргизской республике, нужны ли производные от этого слова и какие, какие значения слова брать прежде всего, какие идиомы русского языка нужно поместить в этом Словнике, как эти идиомы передавать или переводить на тюркские языки и пр.

Нужно быть очень придирчивым, чтобы после таких работ бригады и профессора К. К. Юдахина найти в Русско-киргизском словаре какие-либо недостатки, ошибки и промахи. И вот я, проявляя эту придирчивость, хочу указать из области русских слов на отсутствие в Русско-киргизском словаре таких слов [из «Истории ВКП(б)»] как, например, «богоскательство» (ср. Толковый словарь русского языка, под ред. проф. Д. Н. Ушакова, т. I, 161), «богостроительство» (там же, т. I, 162), «демиург» (там же, т. I, 684). Думаю, что у проф. К. К. Юдахина и его соавторов были какие-либо причины не включать эти слова в свой Словарь. Я отмечаю это, имея в виду, что в Русско-киргизском словаре я встречаю, например, и такие «русские» слова: «кабестан» (285 стр., ср. Словарь Д. Н. Ушакова, т. I, 1274), «камбий» (289 стр., в Словаре Д. Н. Ушакова—нет) и др.

Упоминаемый мною Толковый словарь русского языка под ред. проф. Д. Н. Ушакова (в четырех томах) теперь с большой пользой служит в тюркоязычных республиках при составлении русско-тюркских словарей. Так, в Азербайджане уже издан под ред. Г. Н. Гусейнова в 4 томах Русско-азербайджанский словарь. В Казахстане составлен, но не издан, под ред. С. Аманжолова неплохой Русско-казахский словарь в 4 томах. Думаю, что по Словарию Д. Н. Ушакова составляли свой русско-каракалпакский словарь (30 тысяч слов) С. Бекназаров, А. Иванов, О. Кожуров и Т. Софиев (см. «Литературную газету» от 3 марта 1945 г., № 10—1121, стр. 1).

Составление русского Словника или реестра русских слов—одна сторона дела. Теперь, отобрав нужные для словаря русские слова (в Русско-киргизском словаре их 40 тыс.), нужно их перевести на киргизский язык. Нужно четко себе представить, что русско-киргизский словарь, вообще какой-либо русско-тюркский словарь совсем не есть перелицовка или перестановка слов К и р г и з с к о-русского словаря. Киргизско-

русский словарь—это круг идей киргиза; русско же киргизский словарь несет в киргизскую среду не только новые слова, но и новые понятия, новую идеологию. Все богатство русского языка надо как-то доходчиво и понятно ввести в сознание киргиза. И вот, здесь-то и выступает глубокое и тонкое знание киргизского языка проф. К. К. Юдахина; его сильное мастерство,—опыт в этом деле и ясная, и предельная отточенность.

Сам редактор и автор, К. К. Юдахин, указывает (стр. 3) на серьезность и сложность работы над тюркско-русскими, в частности над Русско-киргизским словарем. «Ведь,—пишет проф. К. К. Юдахин,—вся история киргизского литературного языка не насчитывает и двух десятков лет. Поэтому многое и многое из того, что легко и просто переводится с русского языка на французский (как и на какой-либо другой язык с большой литературной традицией), при переводе на киргизский (как и на всякий другой литературно молодой язык) представляет исключительно большие трудности. Как, например, перевести или хотя бы объяснить по-киргизски такой, казалось бы, простой архитектурный термин, как «свод», когда во всей своей прошлой истории киргизы строили только «юргу» (На примере юрты можно объяснить «купол», но не «свод»). А что делать с такими сугубо книжными словами, как «одухотворенный», «проникновенный» и т. п., когда сам-то киргизский книжный язык делает только первые шаги?».

С этими словами проф. К. К. Юдахина каждый читатель вынужден будет только согласиться.

Из тюркоязычных республик только Азербайджан и Татария (отчасти и Узбекистан) имеют не плохие Русско-азербайджанский, Русско-татарский и Русско-узбекский словари, а ряд же других республик таких словарей не имеет (например, Башкирия, Туркмения, Казахстан, Якутия и др.).

Русско-киргизский словарь представляет итог киргизской тюркологической науки, тюркологических исследований в области киргизского языка. Самым первым исследователем лексики и редким знатоком киргизского языка является редактор и главный соавтор Русско-киргизского словаря проф. К. К. Юдахин. Можно с уверенностью сказать, что этот словарь будет «настойной книгой» и необходимым пособием при составлении других русско-тюркских словарей, например, казахского, уйгурского и др. Здесь, к русским идиомам редактор и автор Словаря К. К. Юдахин старается по возможности дать киргизскую же идиому, через которую русское идиоматическое выражение будет отчетливо понято любым киргизом.

Все слова-термины или слова несколько терминологического характера автор-редактор К. К. Юдахин без всякой натяжки или искусственности старается или перевести, если это можно, или же дает предельно-сжатое объяснение этого трудного слова-термина, не вдаваясь в подробности: ведь этот Русско-киргизский словарь не является головным терминологическим словарем. Я думаю, что эта мера здесь при объяснении терминов (без излишних деталей) и научное чутье редактора К. К. Юдахина будут образцом для последующих словаристов.

Можно хвалить азербайджанцев за их Русско-азербайджанский словарь в четырех томах. Но этому труду в Азербайджане предшествовал целый ряд других словарей меньшего размера.

Во всяком случае Русско-киргизский словарь, как одностомник, является образцовым, каковым он, по моему мнению, останется надолго и впрямь.

В Русско-киргизском словаре 40 000 слов, и критик, естественно, сможет найти что-либо неладное в такой массе слов. Будучи опять только излишне придирчивым, я нашел было несколько промахов в отношении киргизского перевода некоторых русских слов. Но... после некоторого раздумья, даже без объяснения и переписки со всеми тремя авторами Русско-киргизского словаря, я убедился, что я не прав, а в словаре—по части моих недоумений—все верно. И мне приходится ограничиться здесь замечанием, что «печурку» (стр. 576) я бы не считал только железной («темир») и еще: несколько сокращений (например муз., фил., мат., м. ж., с.)—не объяснены в «Списке сокращений» (стр. 9). В определении «печурки» можно бы выбросить слово «железная» (ср. в разговорном языке теперь: буржуйка, пролетарка). Но авторы Русско-киргизского словаря отчасти правы, они могли бы при этом сослаться и на словарь Д. Н. Ушакова, где «печурка» определяется как п е р е н о с н а я. А если переносная, то, конечно, уже значит—железная... Авторы слишком осовременили это слово. Исторически и диалектально оно значило и теперь значит совсем другое (см. например, Словарь В. И. Даля). Во всяком случае слово «печурка» теперь для меня, горожанина, не совсем ясное по своему значению, просто: маленькая печь.

Я слышал, что приложением к Русско-киргизскому словарю предполагалось дать очерк грамматики русского языка (на киргизском языке), но почему-то этого очерка в Словаре нет. А такой очерк был бы весьма не бесполезен. Например грамматика русского языка проф. А. К. Боровкова имеется при Русско-узбекском словаре (под ред. Т. Н. Кары-Ниязова и А. К. Боровкова, Ташкент, 1942, 536+1 стр., 34 тысячи слов). В Русско-киргизском словаре имеются некоторые производные образования, например «ему» (стр. 203) с пояснением, что это дательный пад. от «он»; имеется «её» (стр. 202) и др., но нет слов: нёс, нашивать, а имеется только «нести» (стр. 461, 472). В этих случаях большую пользу могла бы принести грамматика, составленная в ориентирующе-словарном аспекте.

Прямым результатом выхода в свет Русско-киргизского словаря под ред. профессора К. К. Юдахина будет усиление и увеличение знания русского языка взрослым населением Киргизии (служащими, студентами и пр.). Можно надеяться, что теперь киргизы со слабым знанием русского языка при чтении русской литературы, газет и пр. не будут только догадываться о значении какого-либо трудного русского слова из контекста, теперь они из Русско-киргизского словаря узнают правильные и точные значения трудных для себя слов и будут правильно их употреблять в своей русской речи, когда это будет надо. Культура русской речи, понимание русского языка и его употребление поднимутся, я позволю себе думать, не только в Киргизии, но и в других республиках, например, в Казахстане, где этот Русско-киргизский словарь, до выхода своего или своих словарей будет очень полезен. О полезности ценности и большом научном значении Русско-киргизского словаря говорят и две рецензии доц. И. А. Батманова в газ. «Советская Киргизия» от 19 января 1945 г. и А. Токомбаева в газ. «Кызыл Кыргызстан» от 10 апреля 1945 г. Я надеюсь, что, сохраняя полное беспристрастие и не вдаваясь в детальное рассмотрение и критику, я могу сказать, что Киргизия занимает по части «малых» словарей едва ли не первое место среди тюркоязычных республик нашего Союза. В настоящее время в некоторых республиках языковеды уже думают о своих «больших» академических словарях. В Баку, Казани и Алма-Ата это дело было начато уже давно и даже вышло несколько выпусков татарского словаря и азербайджанского. Но на этом дело надолго остановилось. Институт языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР теперь, после Русско-киргизского словаря, приступает к составлению под общим руководством проф. К. К. Юдахина Киргизского толкового словаря в 300 печатных листов (см. «Литературную газету» от 17 марта 1945 г., № 12—1123, стр. 1 Сообщение о докладе Х. К. Карасаева). Хочется думать, что и в отношении этого своего заслуженно завоеванного почетного места.

Перефразируя арабское изречение, приведенное в «Сочинении о тюркских языках» Махмуда Кашгарского (XI в.) по поводу изучения тюркских языков, мне хочется сказать: «изучайте язык русских, ибо им (русским), киргизам и всем другим народам Советского Союза принадлежит долгое и великое будущее!».

Сергей Малов